

Центр стратегических оценок и прогнозов

www.csef.ru

Хлюстов М.В.

Теории конфликтов и реальные конфликты конца XX и начала XXI века.

Аналитический доклад

Москва - 2010

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
1. КОНФЛИКТЫ ВОСТОК-ЗАПАД	5
2. ТРЕТИЙ МИР И КОНФЛИКТЫ «СЕВЕР-ЮГ»	6
3. ЭФФЕКТИВЕН ЛИ СУЩЕСТВУЮЩИЙ ПОДХОД К ОТНОШЕНИЯМ С ТРЕТЬИМ МИРОМ?	9
4. ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ.....	10
5. НОВОЕ В АНАЛИЗЕ КОНФЛИКТОВ.....	13
6. КОНФЛИКТЫ ПО СХЕМЕ «БЕДНЫЕ ПРОТИВ БЕДНЫХ»	15
7. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ – ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ?.....	23
8. ФУНКЦИИ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА	29
9. ПРОБЛЕМЫ РОССИИ	31
10. В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	37

Введение

Интересно будет сопоставить эту теорию с иными существующими сейчас разделениями мира и с политическими реалиями современности.

Прежде всего, она напоминает традиционное деление «Север – Юг», промышленно развитые - развивающиеся страны. Но здесь на первый план выведено экономическое противоречие, отражающее разрыв в уровнях производства, потребления, уровня жизни. Нетрудно увидеть за ним историческое наследие эпохи колониализма «Метрополии – колонии». В целом, за исключением нескольких удачно стартовавших бывших колоний, географические рамки старого и нового деления совпадали.

Однако, противопоставление «Север–Юг» существовало совместно с иной связкой «Запад – Восток», отражавшей идеологическое разделение мира. То есть экономический и политический вектора противоречий географически были разведены перпендикулярно, создавая простую треугольную схему мироустройства: Запад – Восток – Третий мир.

Схему приняли повсеместно, хотя как всякое упрощение, она описывала мир довольно приблизительно. Так внутри социалистического мира существовало свое жесткое противоречие СССР – КНР. Причем, в те времена, по уровню развития Китай относился к развивающимся странам, подобно Индии, хотя обладал мощной военной инфраструктурой, позволившей создать атомное оружие и стратегические ракеты. Впрочем, дальше небольших приграничных конфликтов противостояние не пошло – в случае широкомасштабной войны СССР без особого риска для себя мог превратить Китай в пустыню. Невозможность подобного сценария развития событий не отменяла мелких столкновений. Коммунистический Китай в пике СССР помогал и афганским моджахедам и ангольским повстанцам одновременно с американцами.

По экономическому уровню многие страны соцлагеря (Куба, Вьетнам, Лаос, Камбоджа) тоже относились к Третьему миру. Без обильной помощи коммунистического «Севера» перспективы не только их развития, но самого существования выглядели бы весьма проблематично.

1. Конфликты Восток-Запад

Не был един «Запад». Порой противоречия обострялись до стадии военных конфликтов, как в случае войны Греции и Турции (обе страны – члены НАТО) из-за Кипра в 1975 году. Однако противоречия эти сдерживались сильным давлением тогдашнего «ядра» Североатлантического блока. Прежде всего - США.

Третьим странам подобное разделение давало определенные возможности для лавирования между блоками. Экономически слабые они, по сути, торговали своей политической ориентацией в обмен на экономическую и военную помощь. Будучи «свободным радикалом» в политическом треугольнике, развивающиеся страны имели определенную возможность маневра, поскольку треугольник упирался на «жесткую» сторону.

Надо отдать должное бывшим советским идеологам, при всем своем обскурантизме они верно определяли «нерв эпохи», назвав противостояние между коммунизмом и капитализмом как основное противоречие эпохи. А по марксистским канонам основное противоречие является отражением классовой борьбы и, соответственно, основной причиной общественного прогресса. Идеология была главным водоразделом миров, но как таковая борьба консервировалась наличием у сторон атомных арсеналов. Сложилась патовая ситуация. Гонка стратегических наступательных и оборонительных вооружений все более делалась «виртуальной», т.е. создавалось оружие, применение которого было невозможно, поскольку означало самоуничтожение. «Замороженное» холодной войной противостояние переводило борьбу в соревнование идеологий, создания «виртуальных» имиджей каждого строя. Одновременно подспудно происходило начавшееся еще при Сталине изменение самой природы противостояния. Со времен Второй Мировой Войны собственно конфликт идеологических систем стал приобретал все больше геополитических черт, т.е. становился все более конфликтом сверхдержав, отстаивающих свои имперские интересы.

Единственным «свободным географическим полем» борьбы оставался Третий Мир. Блоки яростно боролись за сферы влияния, стремясь вовлечь в свои орбиты все больше стран. Парадоксальным образом конфликт сверхдержав выдавливался на периферию. Более того, стоило возникнуть какому либо конфликту между третьими странами, как за спинами сторон возникали тени могущественных держав. Например, режимы Сомали и Эфиопии ориентировались на СССР и попали в глубокую зависимость от советской экономической помощи. Стоило разгореться войне между странами, как СССР пришлось выбирать между странами, и этот выбор пал на более сильного и стратегически более важного и надежного партнера. Моментально сомалийский режим Сиада Барре отбросил прокоммунистическую риторику и принял щедрую военную помощь от

США. Впрочем, это не спасло ни сам режим, ни государственность Сомали от краха.

Гораздо более затяжным оказался ближневосточный конфликт. Если Израиль последовательно придерживался прозападной и проамериканской политики, то арабские страны держались СССР только в расчете на поставки оружия. Действовал принцип: «враг моего врага – мой друг». О какой-то идеологической смычке не могло быть и речи. Даже провозгласивший курс на построение «мусульманского социализма» режим Каддафи оказался настолько далек от советской ортодоксии, что не был включен в список стран «социалистической ориентации».

В реалии сегодняшнего дня это наследство вошло практически нетронутым. Крах системы социализма оставил «свободным» политический вектор треугольника, а «напряженная», несущая его сторона рухнула. Вся система миропорядка приобрела подвижность и пришла в движение. Как ни странно, на мировой арене остался довольно такой мощный игрок коммунистического мира как Китай. В тоже время такие страны как Куба и КНДР играют значительно большую политическую роль в своих регионах и на мировой арене, чем сопоставимые с ними по экономическому потенциалу страны-соседи. Идеологическое противостояние осталось, но утратило прежнюю остроту. Оно больше не может быть причиной мировой войны и уничтожения человечества. Собственно, этого и следовало ожидать, поскольку в политике СССР связка идеологические - геополитические интересы вышли на первое место. Идеология стала служанкой политикой, оружием борьбы, и, как всякое оружие в войне, была растрочена в угоду сиюминутным политическим интересам.

«Мировой политический треугольник» сложился, подобно карточному домику, векторы политических и экономических интересов сошлись, подобно стрелкам часов, указывающих полдень.

2. Третий мир и конфликты «Север-Юг»

Однако противоречия от этого не исчезли. Простейшим ходом было объявить новый мир построенным на противоречии «богатые страны – бедные страны», т.е. оставить старое «Север – Юг». Подобный взгляд сильно упрощал политические взгляды, одновременно определяя стратегию его преодоления: бедные должны стать богаче, и в этом им должны помочь богатые страны. В свою очередь «бедные» должны пожертвовать ради этого частью собственных политических амбиций и национальной идентичностью. Более того – обязаны нивелировать своё внутреннее устройство и экономические уклады с в соответствии с мировыми (читай: западными) стандартами. Это оказалось недостижимым в ближайшем будущем задачей, слишком разные стартовые условия и историческое наследие.

К тому же наложение векторов дало странный эффект, подобный «эффекту полудня» когда одна стрелка закрывает другую. Возникло искушение выдать все существующие противоречия за одно-единственное.

За время холодной войны враждующие блоки накопили мощный заряд агрессии и, одновременно, огромные потенциалы ее реализации. В социалистических странах, где особо доминировал тоталитарный принцип силы, ослабление центральной власти привело к возвышению региональных источников силы, а запас агрессии реализовался во множестве внутренних конфликтов разной степени остроты и интенсивности, приведших к распаду государств (Югославия, Чехословакия). Крушение столь сложной структуры, как СССР привело к великому множеству конфликтов. По разным оценкам их насчитывалось до 35, более половины которых переросли в вооруженное противостояние.

США оставили свои потенциалы нерастраченными, потому приобрели практически неограниченную возможность насаждения своего влияния в мире вооруженном путем или угрозой применения таковой. Инструмент силы гораздо проще и эффективней долгих дипломатических игр или сложных экономических процессов. Но применение силы обычно свидетельствует о провале дипломатии или экономических программ.

Противостояние всегда имеет две стороны, и ни одну из них не стоит выдавать за невинных овечек. Силовое поле порождает силовые индукции, провоцирует ответ в том же духе. Экономические интересы так же мимикрируют, принимая политические формы. Поэтому упрощенная схема «богатые – бедные» оказалась малоэффективной, более того, зачастую приводила к обратным последствиям. Обильная экономическая помощь (продовольственная и товаров первоочередного потребления) приводила в бедных странах к подрыву местных производителей сельхозпродукции и товаров. Финансовая помощь обернулась невероятными масштабами ее расхищения местными властями и прогрессирующим ростом коррупции. Стремление облегчить бремя вооружений, непосильное для слаборазвитых стран, обернулось военной помощью. Полученное оружие, в свою очередь, привело к обострению межгосударственных и, особенно, внутринациональных конфликтов. Следует упомянуть, что всякая помощь оказывается небескорыстно, но традиционно обменивается на определенные политические и экономические уступки. Сложился даже своеобразный рынок соискателей этой помощи, торгующих национальным суверенитетом.

В свою очередь страны-доноры стремятся решить собственные внутренние задачи, приобретая излишки сельхозпродукции и, тем самым, поддерживая внутреннего производителя, реализуя залежалые товары, в ином случае требующие дорогостоящей утилизации. Аналогично военная помощь направлена на поддержание собственных ВПК, а вслед за финансовыми потоками из стран-доноров устремляются предприимчивые искатели «быстрых денег». Обладая огромными возможностями, они

«взрывают» неокрепшие финансовые рынки, откачивая огромные средства. Пример тому – махинации Дж. Сороса на азиатских валютных биржах.

Зачастую с помощью происходят случаи, становящиеся правилом. Их можно назвать курьезами, если бы к ним было применимо определение «вопиющий». Так во время засухи в на «Африканском роге» были организованы лагеря для голодающих. Доставку всего необходимого осуществляла военно-транспортная авиация НАТО, самолеты которой сбрасывали грузы на полосе вытяжным парашютом, из опасения, что севший самолет будет атакован голодающими, мечтающими вырваться из этого ада. В итоге рис рассыпался по полосе на километры, смешиваясь с песком и грязью. Но это еще полбеды, источником воды в лагерях были грязные ямы со зловонной жижей. Обострилась эпидемиологическая обстановка, потребовались поставки санитарного оборудования для организации колодцев и отхожих мест. И таковое поставили на сумму 50 миллионов долларов. Только это оказались итальянские керамические унитазы, контейнер с которыми, ударившись о полосу со скоростью 150 км/час превращался в грудку осколков. Вокруг лагерей образовались целые валы фаянсового боя. Впрочем, чем могли помочь унитазы в безводной пустыне, представить сложно. Кто-то списал деньги, какой-то чиновник из аппарата ООН поставил галочку в отчете: «помощь оказана». В итоге немногие энтузиасты, организовавшие лагеря, осознав бесплодность своих попыток спасти несчастных, вынуждены были бежать. Участь оставшихся сотен тысяч была трагична, хотя им была «оказана помощь» более чем на миллиард долларов.

Разумеется, не все программы помощи столь деструктивны. Скорей можно говорить о деструктивных и конструктивных сторонах процесса. Опыт учит, что даже не столь масштабные объемы помощи, как описанные в предыдущем примере, могут быть эффективны при соблюдении нескольких условий: глубокое понимание проблемы и всесторонняя научная проработка методов ее разрешения, привлечение достаточного числа специалистов из страны донора продолжительное время работающих в контакте с местным населением и властями, подготовка достойной смены специалистов из местных жителей, могущих заменить пришельцев. Но главным остается искреннее желание помочь и отсутствие слишком больших политических требований к стране-получателю. Десятки лет, сотни экспериментов потребовалось, прежде чем удалось найти приемлемый способ замедлить расползание пустыни Сахары.

Размер программ и характер проблем тоже имеет значение. Наиболее успешно разрешаются малые локальные проблемы. Большие проблемы в большинстве случаев разрешить не удастся. А большие объемы помощи привлекают большое количество расхитителей. Появился даже новая разновидность конфликтов, когда вооруженные группировки ведут между собой борьбу за контроль над потоками гуманитарной помощи.

В странах более развитых варианты помощи тоже приводят к тяжелым последствиям. Достаточно вспомнить недавний аргентинский «дефолт», обрушивший экономику этой страны и приведший к тяжелейшему политическому кризису, вынудившему бежать из страны организаторов «нового экономического чуда». Список стран, переживших подобные кризисы обширен.

3. Эффективен ли существующий подход к отношениям с Третьим миром?

Сам подход к взаимоотношениям с Третьим миром по принципу «богатый – бедный» оказался порочным, поскольку само определение является эвфемизмом понятий «сильный – слабый». Отношения слабого с сильным уже предполагают зависимость и подчинение.

Институт помощи как инструмент экономического роста показывал свою несостоятельность. Конечно, у него был удачный прецедент в виде «плана Маршалла». Но следует учитывать, что тогда помощь оказывалась с развитой хотя и сильно разрушенной инфраструктурой, с богатым опытом товарно-денежных отношений и управления хозяйством, квалифицированной рабочей силой, готовой работать за небольшую плату. И еще – в конце 40-х США нуждались в большом количестве сильных союзников.

Попытки повторения подобного опыта в бывших колониях выявили целый букет проблем. Помощь эффективна только в условиях катастроф, позволяя быстро преодолеть их последствия, но, к сожалению, не устраняет причину. Более того, постоянный поток помощи неизбежно ставит экономику в зависимость страны-получателя от донора. О тяжелых последствиях подобного зависимости, сравнимой с наркотической, уже говорилось.

Помощь в принципе не может решить проблем, поскольку сами проблемы носят довольно глубокий характер. Экономическая структура развивающихся стран, характер их взаимоотношений с развитыми складывалась на протяжении нескольких веков. Наивно полагать, что их можно изменить за десятилетие.

Исторически колонии были, прежде всего, источником дешевого сырья и рабочей силы. Во вторую очередь – рынками для сбыта товаров. Экономика таких стран приобретала черты монокультурности, ориентируясь на экспорт самой выгодного в данных условиях товара. Как-то диктовать монопольные цены такие страны не имеют возможности, поскольку в мировом разделении труда страна-производитель продублирована как минимум еще одной страной-производителем. Презрительное определение «банановые республики» актуально до сих пор.

Наоборот, в развитых странах сельское хозяйство и промышленность всегда достаточно разнообразны, и способны удовлетворить большую часть внутренних потребностей. Так в США сельское хозяйство после Великой Депрессии усилиями Рузвельтовской администрации устроено довольно разумным образом. На производстве одной сельскохозяйственной культуры специализируются два штата, так что природная катастрофа в одном штате не вызовет дефицита продукции, а слишком большой урожай не приведет к всеобщему кризису перепроизводства. Аналогичным образом власти обычно поддерживают существование не менее двух производителей в промышленных отраслях.

Развивающиеся страны почти полностью зависят от экспортных цен на их монокультуру. Противоречие же заключено в том, что мировой рынок нуждается в дешевом сырье. Повышение уровня жизни, доходов неизбежно отразится на росте себестоимости и цены. Сложность состоит в том, что страны являются объектом хозяйствования частных компаний. А фирмы-импортеры не заинтересованы в отстаивании интересов фирм экспортеров.

Попытки решить проблему за счет индустриализации поначалу вызвали ответное стремление развитых стран вывести производства (прежде всего вредные) за свои пределы не теряя, при этом прав собственности. Но это породило букет новых проблем, помимо экологических. Рост благосостояния в индустриализирующихся странах, прежде всего в области медицины, вызвал демографический взрыв, большей частью поглотивший повышение уровня жизни.

4. Технологическое влияние

Мировой экономический порядок, тем временем усложнился. Промышленное производство отошло на второй план, уступив пальму первенства информационным технологиям. Индустриализовавшиеся страны вновь оказались в положении экономических придатков метрополий, хотя и в более выгодном положении, чем экспортеры сырья.

Экономический рост требует проведения независимой экономической политики в интересах национального рынка и производителей. Однако все мировые инвестиционные организации ставят типа МВФ либерализацию рынка (в том числе открытость его для транснациональных монополий) во главу угла, вообще грубо вмешиваясь во внутреннюю политику государств - доноров.

Отдельной проблемой остается огромный государственный долг развивающихся стран, названный «бомбой замедленного действия». Впрочем, его появление и рост не являются последствиями расточительности стран заемщиков, но вполне закономерен, с той поры, когда экспорт капиталов стал гораздо выгодней экспорта товаров. Он – следствие все того же непропорционального мирового экономического порядка.

Пришло понимание, что структура мирового рынка резко меняется, но суть его при этом остается неизменной. Что надо делать подвижки в изменении его принципов, чего развитые страны делать не желали. Движение за новый экономический порядок, тем временем, стало набирать обороты, начав выдвигать вслед за экономическими требованиями – политические. Движение за реструктуризацию государственных долгов возглавила Куба. Исходя из здравой посылки, что должники просто физически не смогут рассчитаться с кредиторами в обозримом будущем, и даже выплачивая только проценты не смогут выбраться из нищеты, движение пришло к выводам, что долги можно вовсе не платить (исходя из размеров первоначальных займов и объемов капиталов, реально вывезенных из стран-должников), что и потребовало от стран-кредиторов, а в случае отказа начала угрожать действиями, напоминая нефтяное эмбарго 73 года. Сейчас движение за новый справедливый экономический порядок все теснее смыкается с антиглобалистским движением.

Подход «богатые – бедные» показал свою ограниченность при анализе конфликтов десятилетия. По идее, как главная причина конфликтов, он должен был всюду находить борьбу бедных против богатых, как стран так отдельных слоев населения. По сути, подобный взгляд означал эвфемизм марксистского тезиса «классовая борьба». Он и пришел из эпохи «холодной войны», во многом построенной на риторике и научных положениях марксизма. Не случайно коммунисты называли глобальное противостояние «соревнованием экономических систем», уча во всяком конфликте искать и находить как основу экономические противоречия, и как следствие – борьбу классов.

В 90-е, без сомнения, существовали конфликты-реликты холодной войны и «победного шествия коммунизма по планете». Но в реальности режимов и террористических организаций – «коммунистических марионеток» оказалось не так уж много. Режим Наджибуллы в Афганистане, партизанское движение в Дофаре (Оман) инспирировавшееся просоветским Северным Йеменом. Кто сегодня вспомнит о нем? Еще несколько, которые можно пересчитать по пальцам одной руки. Да, «рука Москвы» оказалась не такая длинная и хваткая, как представлялась западной пропагандой. Некоторые режимы, лишившись поддержки Москвы, тем не менее не утратили власть, и хотя изменили коммунистической фразеологии, но сущности своей не изменили.

К «классовым движениям» с известной натяжкой, можно отнести все партизанские и террористические движения, выдвигающие коммунистические (в том числе маоистские и троцкистские) лозунги, т.е. следующие принципу «бедные против богатых». А это почти все латиноамериканские группы (за исключением ультраправых, т.е. антикоммунистические) среди которых такие известные как «Садеро

Ламиноса», индейское движение команданте Маркоса в мексиканском штате Чиapiас, колумбийские партизанские движения и группы. «Отреклись» от марксизма, пожалуй, только сандинисты и сальвадорские партизаны. Конечно, можно утверждать, что все движения инспирированы Кубой. Но это, как ни странно, еще больше поднимает международный политический вес режима, переживающего глубокий экономический кризис и физически не могущего вести широкомасштабную континентальную войну.

Взять хотя бы колумбийский конфликт, имевший в своем зародыше противоречия между безземельными крестьянами и латифундистами во внутренних районах. Правительство и частные армии начали жестокую карательную войну, порой граничившую с геноцидом в самых жутких его формах, против крестьян войну на десятилетие раньше победы кубинской революции. Выжигались и вырезались десятки деревень, крестьян казнили тысячами, пытки и жестокое обхождение с противником вменялись в обязанность солдат и офицеров. И так на протяжении десятилетий из года в год. Крестьяне уходили в джунгли, организуя «свободные вооруженные деревни».

За полвека конфликт пережил несколько мутаций. Вдохновленные кубинским опытом левые интеллигенты пришли в сельву создавать широкий антиправительственный фронт, подобный партизанскому району в Сьерра – Маэстро. Вслед за ними потянулись и фашиствующие интеллектуалы организовывать антикоммунистические фронты. Но на пороге 70-80-х гг. произошла очередная мутация – «кокаинизация» конфликта. Воспользовавшись отчуждением от центральной власти охваченных перманентной партизанской войной внутренних районов, особенно в покрытых сельвой горах, наркодельцы разбили огромные плантации коки, найдя практически необъятный рынок сбыта в США. Бешеные прибыли позволили им нанять частные армии, построить тайные заводы и посадочные полосы, обзавестись огромным парком авиации.

Коммунистические повстанцы, ранее опиравшиеся на скудные ресурсы бедных крестьян, вскоре тоже «расширили свою экономическую базу», уже «на идейной основе». По их мнению, кокаин подрывал основы существования самого главного врага мирового коммунизма – США, одновременно давая практически неограниченные средства для ведения партизанской войны. Довольно скоро в наркотический конвейер включились и ультраправые основываясь совсем на иных политических резонах.

Вскоре денег стало столько, что кокаин составил большую часть ВВП Колумбии, что позволило «покупать» правительства не только своей страны, но и соседних стран, задействованных в наркотрафике. Война против партизан замерла. Тогда США объявили собственную войну наркомафии, самыми яркими эпизодами которой стало вторжение в Панаму и тайная операция по захвату Пабло Эскабара – главы медельинского наркокартеля.

Под давлением Америки правительство Колумбии пошло на замирение с повстанцами, согласившись прекратить войну и частично удовлетворить их требования. Но за 30 лет партизаны создали автономную структуру жизни целого региона. На кокаиновые деньги покупаются продукты, функционируют школы и больницы. Разумеется, уход партизан из сельвы означал возвращение к прежнему нищему существованию. Поэтому затянувшиеся переговоры постоянно прерываются... на карательные и «ответные» операции, разумеется тоже не приносящие видимых успехов.

Ныне конфликт уже нельзя отнести к «чистому» противостоянию «бедные – богатые». Само отношение к источнику конфликта, как борьбу за богатство цинично, особенно когда речь идет о выживании бедных. Следовательно, в борьбе за свою жизнь и жизнь своих семей все средства хороши. Борьба становится внутренне оправданной. Действительно, чисто экономически выращивание опиумного мака или коки в десятки раз выгодней посадки любой иной культуры, даже если учесть, что производителю наркотика-сырца никогда не достается более 10% конечной выручки от товара. Что где-то там за океаном чужие дети мучаются от наркомании – полная абстракция для крестьянина, у которого самого дома десяток голодных ртов. Если экономическая война, так это потери в ней. На весах жизни. Единственное условие для подобного сверхприбыльного сельского хозяйства – политический вакуум. Затянувшаяся война, власть бандитских формирований, вооружаемые на наркодоллары, корумпированные чиновники – лучшая питательная среда.

Пример этот не единичен, но, скорей, закономерен. Подобная же история произошла в 50-60-е гг. в Индокитае, в районе «Золотого треугольника». Наркоторговлю тогда подогрела вьетнамская война. Ныне подобную же трансмутацию переживает Афганистан, оставаясь крупнейшим производителем опиатов, даже несмотря на оккупацию США.

Из остальных движений под коммунистическими лозунгами выжили только «красные кхмеры». Есть еще пара межгосударственных противостояний на основе старых идей: КНДР, Куба – все против США. Пожалуй, все.

5. Новое в анализе конфликтов

Анализ иных конфликтов дал удручающие для теории результаты. Бедные почему-то предпочитали воевать против бедных, само вхождение в клуб «богатых» еще не гарантировало от внутренних конфликтов. Конечно, в каждом конкретном случае она из сторон имеет более низкий уровень жизни,

например католическое меньшинство в Ольстере, но очень часто причины конфликта лежат в иной области.

XX век вошел в историю как век классовых битв и глобального классового противостояния. В основном, в развитых капиталистических странах. Но остатки «классического» пролетариата, бытие которого стало основой для выводов Карла Маркса, исчезли в Западной Европе и США в конце 60-х. Единственная сохранившаяся лакуна – рабочие эмигранты, занятые на сельскохозяйственных и низко-квалифицированных работах. И то с их проникновением власти ведут неустанную борьбу. Количество высококвалифицированных рабочих сильно сократилось, благодаря особенно с наступлением фазы информационного общества и благодаря политике деиндустриализации. Исчезли с арены ратовавшие за «освобождение пролетариата» террористические организации «новых левых» - освободить стало некого. Самым массовым классом общества стал «средний класс». «Конфликт между трудом и капиталом» научились регулировать посредством развитого трудового законодательства, деятельности профсоюзов, социальных программ – за счет всех достижений конвергенции. Даже антисоциальное поведение люмпенов сумели свести к минимуму, придя к выводу, что выгодней содержать их на пособия, чем терпеть убытки от преступности, борьбы с ней и содержания уголовников в тюрьмах.

Впрочем, вполне возможно, что это бомба замедленного действия. Так большинство обитателей негритянских гетто в США в подавляющем большинстве уже три поколения не знают, что такое работа – живут на пособия. Особенно отличаются постоянно беременные негритянские матери, получающие на содержание каждого ребенка круглые суммы. Подобные процессы происходят во всех развитых странах – ведь паразитический страт общества неожиданно получил экономическую поддержку. По демографическому закону воспроизводства социальных слоев, процент иждивенцев в этих условиях будет прогрессировать, и однажды пропорция подойдет к опасной черте, когда работающая часть общества уже не сможет содержать большое количество паразитов. Социальные фонды истощатся, после чего неминуем социальный катаклизм

Нельзя сказать, что правительство США не замечает этой проблемы, но демократические институты, равно как общественное мнение связывают им руки. Весьма вероятно, что истерия по поводу 11 сентября затеяна ради развязывания рук. Гораздо раньше один американский журналист обнаружил, что примерно треть наркотрафика в Америку контролирует... ЦРУ. Цель – получение неподконтрольных средств для тайных операций. ЦРУ замечено в этой практике еще со времен Вьетнама. Гораздо интересней внутривластная цель: главными потребителями наркотиков являются негры и латинос – «паразитная часть общества», потому сильные наркотики, распространяемые по низким ценам, проводят латентную «этническую чистку». По слухам – данные не до конца

проверены – журналист был осужден за «разглашение государственной тайны».

Здесь встает вопрос о «нетрадиционных средствах войны» (хотя они достаточно традиционны – достаточно вспомнить опиумные войны и японскую торговлю опиумом во Вторую Мировую Войну), т.е. политической роли наркотиков и криминальных воинов, роли в политике огромных сумм от их выручки, стремлении спецслужб «оседлать» эти потоки. Так одной из причин прихода американцев в Афганистан называют именно эту, и факты больше подтверждают, чем опровергают подобный взгляд.

Точно так же научились регулировать экономические противоречия между странами. Сами противоречия никуда не ушли, но пришло понимание, что выгоды от интеграции многократно превосходят ущерб от конфронтации. Хотя «торговые войны» не ушли в прошлое, но формы их стали гораздо мягче. Ждать сегодня повторения Первой Мировой (по сути и названию империалистической) невозможно.

6. Конфликты по схеме «бедные против бедных»

Но осталась еще большая часть конфликтов, совершенно не укладывающихся в теорию. «Бедные против бедных». Особенно «славен» ими Африканский континент. О причинах деградации огромного региона можно спорить, тем более что с много обещавшего «года Африки» прошло 40 лет и сменилось несколько поколений.

Впрочем, если сопоставить эти 40 лет с пятью веками европейского «освоения» континента, то они покажутся не столь уж огромным периодом. Безусловно «тяжелое наследие колониализма» до сих пор продолжает влиять на внутриафриканские процессы, хотя, возможно, не столь сильно, как это приписывалось им в советские времена.

Прежде всего, колонизация континента шла от опорных точек на побережье, а основной ценностью были вывозимые рабы. «Охота на людей вызвала довольно существенные демографические сдвиги, обескровила континент, подорвало основы сопротивления. Продвигаясь вглубь, экспансия сдерживалась только конкуренцией других колонизаторов. В конце концов, материк был поделен между метрополиями, а внутренние границы, фактически стали границами не между африканскими, а между европейскими государствами. Инфраструктура этих владений всецело приспособилась к вывозу природных богатств. Ни о каком даже ограниченном рынке сбыта товаров (подобно Южной Америке или Азии) и речи быть не могло.

К середине XX века положение радикально не улучшилось. Африканские страны остались в тех условных границах, определенных им

европейцами, и с инфраструктурой, ориентированной исключительно на вывоз. Капиталы для преобразований можно было взять только от экспорта, нарождающаяся буржуазия могла быть только компрадорской, в принципе не заинтересованная в изменении статус-кво. Но даже она очень часто оттеснялась чиновниками, стремящимися взять под личный контроль потоки валюты. В итоге в большинстве случаев капиталов для коренных перестроек так и не нашлось. Катастрофичным стал и отъезд из колоний специалистов, поддерживавших инфраструктуру. Система должна была рухнуть еще в 60-е, если бы не глобальное противостояние.

Африка превратилась в обширный регион борьбы, стала резервуаром получения помощи как от СССР, так и США и бывших метрополий, которые «не до конца ушли». Их методы получили название «неоколониализма», и были чрезвычайно разнообразны. Начиная от привязки большинства национальных валют к европейским («зона франка», «зона фунта стерлинга»), через обширные концессии на разработку природных ископаемых, до права бывших метрополий прямого военного вмешательства во внутренние конфликты. Особо часто прибегала к этому праву Франция.

Мирное существование довольно скоро обернулось конфликтами. Наиболее показательна в данном случае война в Анголе. Довольно долго находясь под властью Португалии (характерно, что дольше всего продержались в Африке колонии «первооткрывателей» – Португалии и Испании), ангольцы развернули партизанскую войну. После «революции гвоздик» удерживать колонии стало невозможно. Однако на власть претендовали сразу три мощных партизанских соединения МПЛА – партия прокоммунистического толка, ФНЛА – партия прозападного пути развития, УНИТА – националистическая группировка, опиравшаяся на население южных районов. Из менее значимых движений выделялась так же ФАПЛА – партизаны богатого нефтью анклава Кабинда.

Первоначально планировалось создать коалиционное правительство из трех партий, но посредством сговора и интриг УНИТА была оттеснена от участия в формировании новых органов власти. В процессе подготовки передачи власти португальцами ФНЛА, обещая демократические перемены, смогла заручиться финансовой и политической поддержкой некоторых стран НАТО, в первую очередь США. УНИТА искала помощи даже у КНР. СССР и Куба, боясь упустить выгодный плацдарм, дали определенные гарантии МПЛА. В самый ответственный момент главе МПЛА Агостиньё Нето удалось устранить из столицы соперников и формально получить власть от колонизаторов. ФНЛА с помощью наспех собранных белых наемников и при поддержке заирских соединений начала наступление на Луанду. Судьба социализма в Анголе висела на волоске, а вспыхнувшая гражданская война вошла в привычные для того времени идеологические рамки «демократия против коммунизма». МПЛА удалось остановить наступление противника на пороге столицы, и очень скоро с помощью высадившихся кубинских войск и щедрой советской помощи отбросить и разгромить ФНЛА. Социализм

победил. Довольно быстро было подавлено сопротивление в Кабинде, но на юге пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Очень скоро в конфликт вмешалась ЮАР, армия которой по вооружению составу и выучки мало отличалась от лучших европейских образцов. Здесь спасовали даже кубинцы, пришлось усиливать войска современной советской военной техникой и «специалистами». Война приняла затяжной характер в полосе анголо-намибской границы. Ситуация усугублялась тем, что «ангольские власти» поддерживали партизан в Намибии.

Полностью разгромить УНИТА не удалось, поскольку та имела довольно широкую поддержку не только ЮАР и США, но местного населения. Конфликт перешел в новую фазу: «центральное правительство – сепаратисты».

Десять лет войны приспособили формирующийся уклад жизни к военным условиям. Обильная помощь быстро развратила «социалистическое» правительство, после смерти Агостиньё Нето погрязшее в интригах и коррупции. Стоило советам и кубинцам уйти (Намибия тоже получила независимость и угроза вторжения ЮАР отпала), как конфликт деградировал окончательно.

Вопрос власти стоял уже не в контроле над всей территорией страны, и не в организации экономики и управления, но только в контроле над богатствами, приносящими валюту. Ангола - это алмазы, нефть и кофе.

Прошло не многим более десятка лет, как бывшие пламенные борцы за свободу и независимость превратились в шайки грабителей, мало чем отличающихся друг от друга. Власть от главарей МПЛА и УНИТА постепенно перешла в руки полевых командиров «сидящих на трубе», на алмазных копах, на железных дорогах ведущих к приходящим в упадок кофейным плантациям. Западные специалисты назвали этот процесс «приватизацией войны».

Характер военных действий теперь определяется периодами добычи: на алмазы закупается оружие, начинается наступление на другие алмазоносные районы, поле чего запасы оружия и людские ресурсы истощаются, военные действия замирают. Пополнение в армии отлавливают способами известными еще со времен работорговли. На добытые алмазы, реализуемые, естественно, на мировых черных рынках, закупается оружие, тоже нелегально. Причем это не только автоматы и пулеметы, но и системы залпового огня и прочее тяжелое вооружение, вертолеты с экипажами в основном российскими и украинскими. Алмазы и другие природные богатства не обогащают страну, но являются экономической базой войны несущей разорение и смерть большинству населения.

Этот обширный экскурс в историю приведен здесь для понимания сути конфликтов Черной Африки. В той или иной мере все они несут типичные

«ангольские» черты: «война идеологий – сепаратизм и коррупционное перерождение правительств – межнациональный конфликт – криминальная война». А вмешательство в конфликты извне чревато «сомалийским вариантом», когда все враждующие группировки прекращают рознь и начинают активную борьбу с интервентами, поскольку те покушаются на саму систему существования полевых группировок. Стоит «миротворческим» силам уйти, как внутренние конфликты разгораются вновь, ведя к деградации и распаду. Положение усугубляется тем, что враждующие стороны имеют возможность приобретать разрушительные средства поражения огромной мощности.

ООН накопив кое-какой опыт ныне комплектует миротворческие силы в Африке в основном из войск африканских стран, где пока царит спокойствие. Но сохранять его становится все сложнее, поскольку рычагов давления становится все меньше. Самораспустилась Организация Африканского Единства, нарастают межгосударственные противоречия основанные на требованиях пересмотре границ, имеет успехи сепаратизм, примером которого стало отделение Эретрии от Эфиопии, многие государства стоят на пороге распада.

Итог состояния плачевен: за сорок лет в африканских конфликтах погибли миллионы человек, от вызванных войной голода, жажды и болезней еще миллионы. Даже приблизительной статистики никто не вел, но экспертные оценки называют цифру 20 миллионов человек. Две Первые Мировые Войны! Увы, эта мировая война даже не была замечена мировым сообществом, лишь иногда сенсационные репортажи выносят на экран горы трупов – итог вражды «каких-нибудь тутси» с «какими-нибудь бхуту».

Подобное положение безразличия как минимум опасно, поскольку в век информационной стадии цивилизации, активных коммуникаций, огонь этих конфликтов может легко перекинуться в любые страны. Вполне возможно, что уже сейчас идет латентное накопление горючего материала в странах «золотого миллиарда». Так большой проблемой как в России так и в США стали выходцы из Нигерии. У нас они взяли в свои руки торговлю кокаином, в США – «прославились» как непревзойденные махинаторы с кредитными картами. В руках эмигрантов постепенно скапливаются средства, фантастические по африканским меркам, при этом нигерийцы не утратили связи ни с родиной, ни со своими соплеменниками, кстати, тоже враждующие между собой на этот раз на религиозной и национальной почвах. И это только выходцы из одной страны! Рано или поздно они благодаря деньгам обретут и власть и начнут влиять на процессы в своих странах. А подобные действия никогда не бывают односторонними.

Теоретическое отступление (сильно упрощенное): «Расовая теория верна – поскольку она неверна». На крамольное заявление расовых идеологов: негры неспособны к труду, особенно умственному, не в

состоянии освоить цивилизационные навыки, склонны к впадению в дикость, потому они низшая раса и их удел - грубая физическая работа под контролем и управлением представителей высших рас. Можно дать следующий ответ: возможно для них неприемлема не всякая цивилизация, но цивилизация западного (вернее – «северного») типа.

Негры наиболее приспособленная к жарким условиям раса на Земле. И дело здесь не только в «защитном» цвете кожи или анатомическом строении, но во всем жизненном укладе, в способе и стиле жизни, психике. В доколониальные времена, да и сейчас основное негроидное население материка сконцентрировано в районе экватора. В Южной Америке экваториальная часть наименее населена за исключением некоторых горных областей. В Азии и Океании такое исключение составляет Ява и Суматра, остальные обширные острова тоже представляют малонаселенные джунгли.

Это места страшной жары и полуденных дождей. Работать, без риска получить тепловой удар, можно только в короткие утренние и вечерние часы, всего не более половины светового дня. Остальное время - вынужденное безделье, «сиеста». Чтобы прокормиться, работая в короткие часы, надо прикладывать максимум усилий. Отсюда врожденная «взрывная» «сила негра». На личную жизнь остается ночь, благо в экваториальных широтах она равна дню. Впрочем, климат позволяет получать достаточные урожаи, чтобы существовать и веселиться, но не столь большие, чтобы накапливался избыточный продукт.

И вот приходят люди, выросшие в холодном климате, позволяющем трудиться в поле без перерыва все весну – лето – осень, а зимой заниматься ремеслом в отапливаемых домах. И люди эти требуют такого же трудового поведения от африканцев, живущих в совершенно иных условиях, к тому же на собственной земле.

Черная Африка создала как минимум три оригинальные цивилизации: Зимбабве, Бенинскую культуру (известную удивительной бронзой) и христианскую эфиопскую. Что уже опровергает сам тезис о «не склонности к цивилизации». Помимо этого есть пример десятков мусульманских султанатов, успешно существовавших столетиями. На nive государственности было множество попыток создания больших образований, вроде «империи Чако». Это к тезису о «невозможности негров самостоятельно создать государство и управлять им». На поверку они не могут создать государства западного типа – оно неорганично для них.

О «лености» негров существует множество свидетельств (однако это «лень» в европейском понимании – точно так же был «ленив» русский крестьянин в глазах немецких колонистов). Но сам факт особой ценности негров-рабов на протяжении обозримого исторического периода свидетельствует об обратном. В обеих Америках негры-рабы без особого

труда выиграли «трудовое соревнование» как у индейцев, которые очень быстро умирали от тяжелого труда, так и у белых (первоначально в качестве рабов на плантациях пытались использовать многочисленных каторжников, ранее отправляемых на галеры). Кстати, находились среди негритянских рабов и искусные ремесленники, и вполне грамотные и одаренные в науках люди, но расовые и классовые барьеры не вынесли большинство талантов на поверхность.

Хотя вполне достаточно революции в музыке XX века, произведенной Луи Армстронгом и всей плеядой черных джазовых музыкантов, изменившей сам образ жизни и мировоззрение 20-х годов, породивших рок-н-ролл ставший основой молодежной культуры второй половины столетия.

Естественно, будучи отпущены на волю, негры возвращались к исконному «негроидному» трудовому ритму, и стилю жизни, так бесящего европейцев бездельем.

Выводы: беды африканцев не во «врожденных пороках», но в пагубных последствиях длительного контакта африканской и северной цивилизации, в достаточно длительном потребительском отношении к расе и континенту, наконец, в самом процессе деколонизации – бросании на произвол судьбы. И современное безразличие. Во многом лицемерное, когда покупаются те же алмазы по бросовым ценам и продается из-под полы оружие.

Все равно, что чукчу приучить к водке, а потом назвать его пьяницей и проклясть. Но нет у чукчей ни физиологических, ни культурных барьеров защиты против алкоголя, не выработалось за века за ненадобностью.

Увы, приходится признать, что мусульманский тип организации жизни всего более подходит африканским странам (и то с очень большими оговорками). У негров мало поводов любить европейцев за то, что белый человек сделал с Африкой и африканцами, соответственно, трудно ожидать от них искренних симпатий к ценностям западной цивилизации, а собственные африканские цивилизационные ориентиры и ценности были растоптаны довольно давно еще в зародыше. Остались только национализм, трайбализм, и некоторое расовое единство. Различные попытки создать нечто оригинальное африканское на почве государственности превращались в весьма вольные эксперименты с демократией или социализмом (порой – африканским расизмом и подобием фашизма), копированием внешних образцов государственности у бывших колонизаторов (например, попытка создания Центрально-Африканской империи). Обращение к национальным истокам неизменно приводила явной или скрытой ставке на языческие культы (вроде вуду) очень часто заканчивавшиеся объявлением некоего президента верховным жрецом и ритуальным каннибализмом (Бокасса, Иди Амин) и бессмысленными

массовыми казнями-жертвоприношениями. Странно было узнавать об этом в конце XX века.

Подобно африканским конфликтам развивался и афганский. Правда, его течение отягощалось «исламским фактором».

Казалось бы, исламские войны демонстрировали в классическом виде противостояние «богатые – бедные»: беднейший Афганистан подвергся агрессии промышленно развитой сверхдержавы, влачащее нищенское существование палестинцы враждуют с преуспевающими израильтянами.

На оказывается, в большинстве конфликтов задействованы капиталы богатых нефтедобывающих стран, а сражающиеся «бедняки» превратились в хорошо финансируемые армии, в инструменты противостояния «богатые против богатых».

Большинство мусульманских нефтедобывающих стран, ранее числившихся в разряде «развивающихся», сумели обложить свои полезные ископаемые рентой на природные ресурсы, оставив нефтедобычу и продажу в руках транснациональных монополий, тем самым избежав политических трений со странами, где находились штаб-квартиры этих корпораций. Постепенное накопление ренты при незначительном местном населении вывели эти страны (прежде всего – страны Персидского залива) в разряд сверхбогатых. Избежав стадии индустриализации, успешно шагнули в стадию постиндустриального общества. Сотни миллиардов нефтедолларов были вложены в экономику Западной Европы и США, принося доходы, сравнимые с доходами от нефтедобычи. Значительная часть доходов распределяется среди подданных, обеспечивая им уровень жизни даже выше уровня западных стандартов.

Но за теперешним «золотым дождем» все острее встает стратегический вопрос: что дальше? Если в начале нефтяного бума запасы казались неисчерпаемыми, вечными, то сегодня оценка их измеряется десятилетиями, максимум полувеком. К тому же мировой рынок не дает развиваться природным монополиям, все время открывая альтернативные источники (пока нефти и газа). Количество нефтедобывающих стран увеличивается, и на долю «не членов ОПЕК» приходится почти половина нефте-газодобычи. «Ход рычага» ценового регулирования ограничен. Что дальше? Деньги в иностранных банках и управляются чужими менеджерами, вкладывать капиталы в песок пустынь бесполезно даже построив прекрасные города и опреснительные установки. Без потока нефти они ничто.

Монокультурность стран Третьего Мира (а по признаку монокультурности большинство стран Персидского Залива относятся именно к Третьему Миру), регулируется, в основном, законами рынка. Развитые страны только используют к своей выгоде такое положение дел, усиливая «либеральные» тенденции, свято стоя на своем в борьбе с

протекционизмом. Они заинтересованы в обильных источниках дешевого сырья. Действие механизма ценового регулирования мирового рынка довольно просто, как всякого стихийного процесса: высокие цены на продукт (например, нефть) обостряют его дефицит, принося сверхприбыли, делая рентабельным затраты на разведку и обустройство новых месторождений в других странах, а нахождение ресурса тоже начинает приносить большие доходы. Начинается бум. Капиталы начинают перетекать в сверхприбыльную отрасль из иных сфер хозяйствования, которые начинают резко приходить в упадок. Активно привлекаются иностранные займы, приходят компании монополисты мирового рынка (нефтедобытчики, производители сельхозпродукции и пр.), имеющие мощности и опыт разработки, инфраструктуру переработки и транспортировки, и (очень часто эти факторы стоят на первом месте) – огромные капиталы и политическое влияние.

Но достаточно скоро наступает стадия насыщения рынка и падения цен. Страна, переместившая все средства в когда-то сверхприбыльную отрасль, становится монокультурной, с упавшими доходами. Разорение иных отраслей приводит к зависимости от экспорта порой самых необходимых товаров, потому основные сверхприбыли от монокультуры утекают за границу. Туда же перемещаются высокие проценты по кредитам, взятых в расчете на сверхприбыли, прибыль монополий. Природные богатства не обогащают страну, а становятся ее проклятием. Еще раз напомним, что шейхи Персидского Залива просто обложили поток утекающей нефти рентой. Достаточно долгое время довольствовались примерно 10% доходов. За это время они научились регулировать массу прибыли, устанавливая квоты на добычу.

Но самая большая беда, что сама структура экономики становится монокультурной. Капиталы из отрасли с упавшей доходностью становятся «быстрыми», готовыми переместиться в иную сверхприбыльную отрасль. Некоторые страны Латинской Америки пережили за свою историю десятки бумов, но так и не смогли войти в категорию развитые.

Стихия рыночных механизмов, как всякая стихия, разрушает слабые образования, чем способствует выживанию сильных, выходящих (вернее – остающихся в) лидерами. Которые, в свою очередь, радуют за «либерализм», но активно защищают свои рынки. Все развитые страны имеют между собой огромное количество ограничительных, регулирующих и кооперационных соглашений, составляющих сложную систему. Во внутренней политике проводится жесткая стратегия по датируемости убыточных отраслей (в основном – сельского хозяйства), и ограничению «бум-отраслей» посредством высоких налогов и административных пут. Стабильное устойчивое развитие предпочтительней резких взлетов и неизбежных падений. Картельные соглашения, сотрудничество и кооперация – «дикой» борьбе на нерегулируемом рынке. И, конечно, единый фронт защиты собственных капиталов, низких цен на сырье и

промышленную продукцию из стран – третьего мира не идет ни в какое сравнение с конфронтацией за экономический передел мира, приводящий к мировым войнам.

ЕЭС, как высшее проявление этих тенденций, вообще явил миру пример невиданной раньше высокоэффективной интеграции в рамках одной части света. И высшая его цель – это именно реализованная мирная альтернатива мировым войнам.

В индустриальную эпоху развитая промышленность считалась панацеей от монокультурности. Внутренний рынок удовлетворялся промышленными товарами, а промышленный экспорт позволял закупать дешевое сырье. Эту стратегию переняли «драконы Азии». Так маленькая, лишенная ресурсов Южная Корея смогла выйти в мировые лидеры судостроения, Тайвань и Гонконг стали крупнейшими лидерами бытовой электроники. Но и здесь законы рынка не изменились. Бум электроники распространился на Малайзию, Таиланд, КНР.

Тем временем промышленные страны освоили принцип: производить и экспортировать не товары, но технологии их производства. Электроника дешевет, на рынке промышленных технологий в начале 90-х наступило перепроизводство. «Драконы Азии» стали промышленными придатками развитых стран.

Остается завоевывать политическое пространство. Но открыто этого делать нельзя. Перед глазами пример иных стран, взявших под полный контроль свои природные ресурсы - Иран, Ирак, Ливия и другие которые «неприятностей» не избежали, став объектами усиленного дипломатического, экономического и военного давления. Остаются только тайные каналы создания мощного альтернативного Западу движения.

7. Национализация – возможный источник конфликтов?

Первая крупная попытка национализации в начале 50-х закончилась для Ирана военным переворотом. Со второй, попытки благодаря исламской революции, это удалось. Однако почти тут же Иран подвергся военной угрозе со стороны США, а вскоре был втянут в войну с Ираком, тоже взявшим контроль над своими нефтяными полями. Ущерб от войны и международного эмбарго съел все выгоды от продажи нефти в обеих странах. В похожей ситуации оказалась и Ливия.

Разумеется, на смелый шаг национализации нефти могут пойти страны, обладающие известной политической волей. А утверждение этой воли и вполне законное опасения за судьбу своей нефти приводит к локальной гонке вооружений, что, в свою очередь вызывает опасение соседей и ведет к конфронтации. Заполученное богатство требует охраны, что ведет к быстрому вооружению, не способствующему столь же быстрому подъему

благополучия. Тем временем, политическая воля, укрепившись внутри страны, начинает все активнее изливаться вовне. И, разумеется, подобная воля всегда персонифицируется в лидере, превращающемся из лидера национальной революции сначала в лидера нации, потом - в восточного тирана.

Ливия активно вмешивалась в дела на африканском континенте, Иран поддерживал группы моджахедов и радикальных исламистов, подобным образом за влияние в мусульманском мире боролся и Ирак.

Почему же происходит подобное? Этот процесс свойственен не только исламским и не только нефтедобывающим странам. Разыгрывание карты национального интереса неизбежно опирается на национальный эгоизм, что противопоставляется инациональным соседям. Независимая политика, будучи последовательной, приводит к противостоянию и с мировым сообществом.

Во времена оны имелась возможность лавирования между двумя лагерями, вводя то элементы социализма то рыночной экономики, причем военную помощь можно было получить практически бесплатно. Чтобы не впасть в зависимость от поставок вооружений от одной страны, имелась возможность комплектовать арсенал комплексно, используя «независимых» поставщиков оружия, например Францию. Во времена холодной войны вопрос о независимых лидерах не стоял остро, особенно в нейтральных, пограничных зонах. Сверхдержавы хозяйничали и смещали неудобные правительства в собственных зонах влияния, не рискуя заходить дальше, пытаясь манипулировать лидерами наподобие Каддафи, одновременно сами становясь объектами манипуляции с их стороны.

Однако в однополюсном мире акценты сместились: ситуация сильно упростилась, кристаллизовав изначальный источник противоречий.

Защита национального интереса (т.е. национальной экономики, уклада, языка, религии) при определенных условиях приводит к «схлопыванию» ситуации.

Необходимость контроля над ресурсами страны приводит к их национализации, что вызывает «сильное ущемление» интересов транснациональных корпораций. В качестве ответных мер начинаются обвинения в нарушении прав собственности и нарушении «либеральных» правил мировой торговли (при этом совершенно никого не смущает нахождение в руках государства или его тотальный контроль над добычей нефти и газа Норвегией или Англией). Следуют первые ответные экономические санкции, что, в свою очередь, приводит к необходимости еще жестче контролировать национальные ресурсы, уже неэкономическими методами. Следуют обвинения в «недемократизме» режима за которыми следуют широкомасштабные изоляционистские санкции, как в политической, так и экономической сферах. В добавок, развязывается мощная информационная кампания, перерастающая в войну.

Та самая политическая воля, персонифицированная в лидере, приводит к «смещению фокуса». Мало того, что тиран (в подавляющем большинстве случаев) считает себя воплощением интересов нации, вызванное санкциями ухудшение материального положения приводит нацию к ощущению надвигающейся войны, угрозы, осажденного лагеря и в тиране нация начинает видеть своего единственного защитника. Образ диктатора за рубежом начинает затмевать (в случае эскалации информационной войны) образ страны, происходит слияние понятий, выстраивание негативных понятийных цепочек типа: Ливия – Каддафи – терроризм, Ирак – Саддам – агрессия, Югославия – Милошевич – этнические чистки.

Спираль раскручивается. Теоретически санкции нацелены на слом воли, на экономическое изнурение страны, ее обескровливание. Как бы предлагают народу во избавление от экономических бед свергнуть диктатора.

В реальности все происходит наоборот. Парадокс санкций состоит в том, что они могут быть эффективны только против демократической страны, где народ может более-менее свободно сместить правительство. Но вводить санкции против демократической страны бессмысленно как сточки зрения права, так и самой сути международных отношений. Незачем наказывать того, кто ничего не нарушал.

Усиление давления создает угрозу существованию режима, личной власти диктатора, который начинает «закручивать гайки» – проводить широкомасштабные репрессии оппозиции, приводящие к ее полному истреблению. Таким образом, народ лишается всякой реальной возможности, политического механизма свергнуть диктатора. Более того, обычно такие репрессии поддерживаются большей частью населения, которое само активно доносит друг на друга, само «сажает» оппозиционеров, поскольку воспринимает их не как врагов диктатора и борцов за свободу, но предателей интересов родины, находящейся в условиях потенциальной войны. Одновременно атмосфера «вынужденных репрессий» рождает страх, создает внутренне поле произвола властей. И диктатору уже некуда отступить – «демократизацию» режима не простят ни враги, ни друзья..

Но санкции не снимают, дальнейшее их действие становится частью экономической войны, предтечей войны «горячей».

Так режим санкций против Ирака привел к сокращению средней зарплаты с 700 долларов в середине 70-х до менее 10 долларов в начале 21-го века. С учетом инфляции падение составило в более чем в 150 (сто пятьдесят!) раз. Но режим устоял, несмотря на восстания шиитов и курдов. Несмотря на санкции, сумел продержаться еще 12 лет. Смести его смогла только агрессия.

Можно высказать вполне обоснованное предположение, что санкции способствовали консервации режима и, несмотря на «мягкую» форму, привели к огромному количеству жертв. По оценкам международных комиссий за это время от недостатка медицинской помощи и недоедания

умерло около 1 миллиона младенцев. Ужесточение режима обернулось уничтожением десятков, если не сотен тысяч оппозиционеров, геноциду курдов и шиитов. Отмена санкций могла привести к гораздо более ощутимым политическим результатам: в режиме санкций все денежные потоки сосредоточились в руках семьи Саддама, при иных условиях капиталы распределялись бы по иным принципам, обогащая «средний класс» и разлагая коррумпированный режим. Внутренние распри из-за капиталов и оппозиция, имеющая достаточные средства способствовали бы более быстрому падению старой власти. Но после «Бури в пустыне» мировое сообщество не могло не устроить «показательную порку» диктатуре, не могло не наказать его.

Правовой вакуум создается и во внешней среде. Санкции автоматически приостанавливают членство страны во множестве международных организаций. Тем самым утрачиваются многие рычаги воздействия. Приостанавливаются или вовсе перестают действовать система международных договоров. Страна выводится из поля международного права, но при этом ее национальные интересы не меняются. Сидя на бочке с нефтью в окружении врагов, имея острые потребности в вооружениях, технологиях, даже в продовольствии и медикаментах, никому не подконтрольный, диктатор поневоле реализует возможности теневых международных отношений.

«Бочка нефти» – в данном случае понятие условное. Руководство страны отыскивает лакуны в мировом рынке, и начинает активно их заполнять, с целью заполучить столь необходимую валюту для возобновления ресурсов, которые, в большинстве своем будут потрачены на оборону. КНДР экспортирует ракеты, Приднестровскую республику не раз «ловили за руку» на производстве и тайной торговле оружием. И так далее.

Важным фактором отчуждения становится и «идеологическая оболочка режима». Не случайно в американский список «стран-изгоев», врагов демократии попали режимы, выработавшие собственные оригинальные политические идеи. Югославия при Милошевиче очень часто ее врагами называлась «коммунистической», хотя там поменяли «коммунизм» на «национализм», не отказавшись полностью от «наследства Тито». Не стоит забывать, что при маршале Тито Югославия стала инициатором Движения Неприсоединения, т.е. имела амбициозные попытки играть ведущую роль именно в Третьем Мире. И достаточно длительное время движение это имело определенный успех, лавируя меж Сциллой и Харибдой, пока не рухнула одна из скал. Но окончательно «добить» движение удалось, только уничтожив лидера – Югославию.

Пример с Движением Неприсоединения демонстрирует механизм «самосохранения» режимов одиночек. Представляя из себя не слишком крупные объекты и субъекты мировой политики и экономики, они

продуцируют или редуцируют особые идеологические ниши. Попросту выдвигают оригинальную идеологию, на основе которой можно создать коалицию.

В свое время США организовала экономическую и политическую блокаду Кубы, стремясь изолировать ее от всего в собственном регионе. Стратегическим ответным ходом Фиделя стал военно-политический союз с СССР. Однако понимание, что счастье не может длиться вечно, заставили предпринимать шаги про прорыву блокады и привлечению на свою сторону соседей. От неуклюжих попыток экспорта революции к он перешел успешному розыгрышу протестной карты. Не надо забывать что в 60-е годы Латинская Америка представляла паноптикум диктаторских режимов, поддерживаемых США и заповедник для американских транснациональных корпораций. Объединив идею освободительного движения с идеей экономической независимости, с избавлением от засилия и всевластия корпораций, Кубе удалось найти сочувствие на континенте, а с демократизацией режимов – и заполучить политические симпатии правительств. Изначально находясь над пропастью, Кастро, во многом удалось заполнить вакуум под собой, а Кубе оказаться одним из организаторов движения за «новый экономический порядок». Как следствие, санкции против Кубы оказались не поддержаны мировым сообществом и недейственными. Это позволило режиму после 91-го года переориентироваться на Европу в торговле, сохранив независимый политический курс. Если бы этому курсу не сочувствовали или не разделяли и многие иные страны, у Фиделя в борьбе с США было бы еще меньше шансов, чем у Саддама Хусейна.

Незабвенный лидер Ким Ир Сен, в свое время выступил автором столь же незабвенной идеей «чучхе» - опорой в построении социализма собственными силами, и в какой-то, хотя и незначительной мере, нашел отклик среди лидеров бывших колоний, лишенных ресурсов. С претензиями на построение особого - «арабского» социализма, изложенными в «Зеленой Книге», выступал и Каддафи. Даже саддамовский Ирак представлял реликт межарабского движения БААС – «Партии арабского социалистического возрождения». Если слово «арабский» взять более обще «национальный», то получившееся сочетание удивит своей похожестью названия на известную германскую партию 30-х годов. Что не так далеко от истины и идеологию баасизма действительно заложено многое из наследия нацизма. Впрочем, даже в лучшие (70-е) годы расцвета идеологи и СССР, и США не заостряли на этом внимания. Теперь идеология баасизма находится в положении исторического трупца. Тем не менее, это идеология лежащая в основе государства, на ее основе осуществлялись революции, добывая саддамовский режим, добывали и ее.

Более молодой и крепкой мусульманской идеей является исламский фундаментализм, особенно в интерпретации иранских религиозных лидеров.

Соответственно, вот уже почти четверть века он находится под прицелом сверхдержав.

Давнее разделение на шиитов и суннитов в значительной мере разобщает исламский фронт. Впрочем, сунниты тоже подняли на щит свою радикальную версию ислама – ваххабизм, который, несмотря на почти двухсотлетнюю историю, только сегодня начал приобретать большое влияние. Ваххабизм по сути, является формой обновления ислама, аналогичной протестантизму в пору его становления. Все те же лозунги «возврата к первоначальной сути», аскетизму, «очищению веры от мирских наслоений» и прочая. Как во времена Лютера и Кальвина является реакцией на изменение мира или, как сказали бы марксистские теоретики: «религиозным ответом на развитие товарно-денежных отношений и становлением нового класса». Хотя подводить экономический базис под изменения религиозной надстройки не всегда корректно. Скорей, можно говорить об изменении всего мира, и его картины в умах людей.

Цитаделью ваххабизма стала Саудовская Аравия, самый преданный союзник США в зоне Персидского Залива. Клан саудитов прекрасно понимает, что не только открытый конфликт, но даже обострение отношений с США означает для них крах. Ведь основные капиталы их оборачиваются на Западе, даже ограниченные санкции со стороны только Америки означает замораживание гигантских счетов, остановку контрактов и получение разнообразных процентов и дивидендов. Потеря большей части национального капитала.

В подобном же положении находятся остальные монархии залива. Все они вынуждены мириться с военным присутствием американцев на своей территории, формально поддерживать все акции Пентагона. Однако негласно огромные средства направляются в «благотворительные фонды» поддержки единоверцев, откуда растекаются по мусульманским общинам во всем мире. А к руководству многих из них стремятся или уже пришли радикальные лидеры.

Немалая часть этих средств попадает в руки террористов. Как в Палестине, так и в иных частях мира. За формальными призывами взять под контроль финансовые потоки террора, очень часто не стоит реальных действий. Во-первых, это не так легко, поскольку большинство сделок в мусульманском мире принято заключать только на словах, потому «разделить» безличные потоки сложно. Во-вторых, часть исламских террористов, ведя борьбу с конкретными субъектами, объективно отстаивает геополитические интересы «главного своего врага». Наиболее яркий пример – «Армия освобождения Косово» и им подобные, боснийские мусульмане. Война в Чечне «нейтрализует» Россию, как на внутренней, так и на международной аренах. Аналогично работает против Индии «кашмирский узел», а против Китая – синдзянские сепаратисты. Даже возможность влиять на обе стороны палестино-израильского конфликта.

В-третьих, сколько-нибудь серьезное разбирательство с источниками неизбежно приведет к главным банкирам, что потребует санкций, даже военного вмешательства, чем окончательно опрокинет весь мировой топливный рынок и подорвет основы финансового.

8. Функции исламского терроризма

Итак, мусульманский терроризм с экономической точки зрения несет несколько функций.

1-я «оборонная». Защита от политического усиления западных стран, прежде всего США, в регионе, защита своих экономических интересов политическим путем. Возможность нанесения ответных анонимных ударов при все возрастающем открытом давлении.

2-я «диверсионная» (на языке военной стратегии «диверсия» – отвлекающий удар). Создание очагов нестабильности, способствующих выдавливанию западных капиталов из региона. Отвлечение вектора политического противостояния на борьбу с мировым терроризмом, от прямого противостояния. Парадоксальным образом страны «спонсоры» мирового терроризма, формально становятся союзниками США в этой борьбе.

3-я «наступательная». Вложение средств в исламский радикализм – вложение средств в собственное политическое будущее. Ведь привязав к себе группы борьбы, можно без труда влиять на их политику, а их возможные будущие завоевания и государственные образования неизбежно станут сателлитами богатых исламских стран.

4-я «геостратегическая». Рост мусульманской диаспоры в развитых странах, ее присутствие практически во всех странах мира в положении «бедного меньшинства», при условии распространении в ней радикального фундаментализма, дает очень выгодную возможность «взорвать изнутри» ситуацию в этих странах. И, даже до создания мощной «пятой колонны» в реальности еще далеко, то уже сегодня можно успешно спекулировать в политических играх самой вероятностью подобного взрыва.

А активный демографический рост мусульман выстраивает радужную перспективу превращения меньшинства в большинство. Хотя мусульманское меньшинство уже в силу религии частично отгорожено от окружающего их мира, терроризм здесь выступает дополнительным и очень сильным фактором дополнительного отчуждения, вызывая недоверие коренных жителей ко всем мусульманам, сплачивая последних и заставляя искать поддержку у единоверцев за рубежом. Кошельки для подобного «участия» всегда создаются открытыми.

Стратегия «ползучей экспансии» характерна не только для исламского мира. Часты обвинения в ней Китая (очевидно небеспочвенные) и

некоторых иных стран, активно поощряющих экономическую эмиграцию, и поддерживающих связи с зарубежными общинами. Успех эмигрантов на «новой родине» позволяет лоббировать свои геополитические интересы.

Еще один особый вид конфликтов последнего десятилетия XX века – конфликты распада социалистических стран.

Здесь вообще сложно говорить о сколь-нибудь значительных различиях «богатый – бедный» между сторонами. Одной из характерных черт социализма являлось выравнивание (или уравнивание) имущественного положения граждан. Богатых (за исключением очень незначительной верхушки номенклатуры) практически не было, бедных тоже. Во всяком случае не в относительном – советском, но в абсолютном – капиталистическом. Т.е. лишенных всякой личной собственности или источников доходов, равно как и богатых в капиталистическом понимании – за исключением отдельных «теневиков», никто не обладал капиталами, приносящими прибыль, накапливаемую в предметах роскоши. Богатство давалось исключительно из рук Партии и государства за «службу» и столь же легко могло быть изъято.

Так, в СССР уровень жизни прибалтийских республик, закавказских и среднеазиатских разительно различался, но внутрирегиональный был примерно одинаков. Более того, эти регионы контактировали между собой не иначе как через Россию и влияли друг на друга только опосредованно. Подобная разница никак не могла привести к конфликту между регионами, но вызывала стремление отторжения от империи.

Конфликты разгорелись внутри регионов, причем на межнациональной основе. Вернее – приняли форму межнациональной розни. Кризис СССР затронул все стороны жизни, в том числе и экономическую. Как не было при социализме истинно богатых и истинно бедных, так и все экономические трудности раскладывались «интегрально», уровень жизни понижался сразу у основной массы населения, что являлось немаловажной причиной массового недовольства. В тоже время социализм приучил к длительному отсутствию реальной политической жизни, заменив ее формализованными ритуалами «единства партии и народа». Причем в руках у «народа» оставалось очень мало рычагов влияния на власть (рычаги все-таки были, но действенность их убывала по мере восхождения к вершинам власти. Уже где-то на уровне райкомов партии это влияние исчезало полностью, влиять же на государственную политику простые граждане не могли). Длительная коммунистическая пропаганда выработала в массах стойкий иммунитет не только к социалистическим лозунгам, но к идеологии вообще. Религия была в большом загоне, священники находились под контролем аппарата, и на первоначальном этапе не могли оказывать сколько-нибудь существенное влияние на политические процессы.

Потому единственным способом идентификации по принципу «свой - чужой» стала национальность, а национальная идея – единственным ядром новой политической консолидации. Два параллельных процесса – ухудшение качества жизни и «демократизация», что на деле оказалось ослаблением давления центральной власти, что, в свою очередь предоставило свободу действий (причем в любой форме – как законной, так и противозаконной) привели к недемократическим последствиям – вооруженным конфликтам. Наиболее безболезненно этот процесс произошел в республиках с высоким уровнем жизни и развитой культурой, в первую очередь – культурой разрешения конфликтов. Например, в Прибалтике.

Примечательно, что в мононациональной среде национальная идея не приобрела решающего значения и в качестве политических ориентиров были запущены идеологические лозунги.

Что имело место в Таджикистане, отгороженном горами от иных среднеазиатских республик. Изначально в душанбинском «противостоянии площадей» демократические лозунги противопоставлялись коммунистическим. Чуть позже в «голосе демократической общественности» все чаще звучали лозунги мусульманской революции. И вскоре зазвучали выстрелы, и пролилась кровь. Идеологические лозунги еще сохранялись, но все более явственно выявлялись противники, шло столкновение двух «кланов» – кулябцев и ленинабадцев. Жестокость этой гражданской войны не уступала межнациональной резне в иных регионах. Разрушалась инфраструктура, на передний план выходили полевые командиры. Исламистский крен конфликту придало вмешательство афганских муджахедов, по следу которых пролег наркотрафик. Налицо все признаки «деградации конфликта», «замороженного» вмешательством России.

В последствии аналитики, анализируя причины конфликта пришли к выводу, что в основе его лежит «относительное сельское перенаселение», т.е. его взрывной рост при ограниченности основного ресурса – орошаемых возделываемых земель. Излишек голодных ртов и рабочих рук вызывал внутренние миграции, породил раскол между «местными» и «пришлыми». Стоило предоставить людей самим себе, как люди принялись «решать противоречие» пойдя по пути эскалации конфликта.

9. Проблемы России

В России (исключая национальные ее окраины) процессы тоже приняли обостренные формы, но не привели к гражданской войне, хотя имело место как минимум два вооруженных противостояния с танками и стрельбой. Но, возможно, Россию, где течение всех мировых законов имеет свои «особые» черты, спасла от гражданской войны именно «деградация конфликта».

Первоначально демократическое движение в России шло под знаменем борьбы с тоталитаризмом, с коммунистической идеологией - за реализацию личных свобод, «демократизацию политической жизни» и реставрацию капитализма. Требования отличались разумностью – люди требовали богатой и свободной жизни, смещения коррумпированной верхушки. Но требовали всего и сразу. Но введение свобод «шаг за шагом», раздувало политические аппетиты демократов и одновременно – личные амбиции, а, тем временем, параллельно с развитием частного предпринимательства и появления массы свободных капиталов шла криминализация жизни.

Победив в 91-м «демократы» заполучили в свои руки огромное наследство СССР, и тут же отдали все, как внутри СССР, так и за рубежом, что считали невозможным удержать. Чем дальше, тем больше демократические политические деятели втягивались в дележку богатств, неожиданно начавших стремительно таять на волне «экономических реформ». После октября 93-го почти ни у кого не осталось иллюзий, что борьба идет уже не за политические лозунги, но за экономические интересы различных имеющих власть группировок. Улицы, тем временем заполнили члены различных «группировок», устраивавших «разборки» среди бела дня на глазах запуганных обывателей. «Счастье России» состояло в том, что подобные процессы не ограничивались только улицей, но иерархически происходили всюду – на уровне заводов, целых отраслей, регионов, на самом верху. Разумеется «победившие наверху» были заинтересованы не в дальнейшем продолжении борьбы, но в установлении стабильности с целью налаживания стабильной работы источника получения прибылей, и поддерживали дальнейшие действия властей по установлению «порядка».

Действительно, как только закончился передел собственности, вал преступности, захлестнувший страну в начале 90-х несколько спал. Однако, сама преступность мутировала, приобретя социально-экономические черты – появилось огромное количество молодых безработных (особенно в городах, где закрылись градообразующие предприятия) и увеличилось количество людей имеющих деньги (потенциальных жертв), равно способов добычи денег и их траты.

Сложно представить в какие ряды бы в ином случае влилась бы эта масса, не стань она рекрутами криминальных «бригад», занятых, в основном, разбоем и самоистреблением. Политическая палитра предлагала тогда все цвета радикальных спектров от православно-националистических или откровенно фашистских, «ультрадемократических» до самых разных левых и левацких. Но «массы» за ними не пошли.

Это не оправдание «криминальной революции» и криминальной войны, но простая констатация факта. Прощальным подарком коммунистического режима стало неприятие массами не только коммунистической идеологии, но и опасливое отношение ко всякой идеологии вообще. Тем более опасения эти были усилены оголтелой

критикой сталинизма, ведшейся «с фигой в кармане». Критикуя 37-год, массовые «невинные» жертвы режима, бросали камень в коммунизм вообще и в существующую во второй половине 80-х власть. Но, объективно, постоянно муссируемая тема репрессий вылилась в компанию массового запугивания населения, что вносило определенную напряженность. В итоге «массы» прониклись недоверием ко всякой власти, ко всяким политическим лозунгам и деятелям. «Массы» не желали широким фронтом вставать под какие-либо знамена, тем самым, лишив остальных удовольствия участвовать в крупномасштабной гражданской войне.

Собственно и сами политические деятели (за очень редким исключением) не горели желанием заниматься утомительными и малоприбыльными политическими изменениями, но посвятили себя почти всецело «экономическим преобразованиям», в основном в интересах собственного кармана.

Не все отрасли некогда «промышленно развитого» СССР выжили в этом «переделе». Сохранились в неприкосновенности предприятия, приносящие, прежде всего, «быстрые деньги» или являющиеся стабильным источником валюты, в первую очередь сырьевые. Парадоксально, что перестройка экономики, проведенная группировками, во главе которых стояли пресловутые «олигархи», фактически имела обратный эффект. Социалистическая экономика исторически складывалась в условиях постоянной подготовки и ведения войн. Все время основным ее продуктом были горы вооружения и разнообразного оружия. Остальные отрасли прямо или косвенно тоже работали на оборону. Одновременно наблюдался тотальный дефицит «товаров народного потребления», а попытки «поднять сельское хозяйство» и поднять качество «предметов повседневного спроса» успеха не имели. Не удивительно, основные финансовые, материальные, интеллектуальные и трудовые ресурсы направлялись в «оборонку», потому качественной выходила только военная техника. Страна жила и работала в режиме военного лагеря, ведя нескончаемую «холодную войну».

Основные структурные изменения коснулись принципов экономики – теперь главным стало извлечение прибыли. Впрочем, такое «упрощение», «переориентация» сделали экономику монокультурной. Из разряда «второго мира» мы переместились в Третий.

Уточнения термина «деградация конфликта». Речь идет об особом течении современных малых войн, когда ситуация «срывается в штопор», ее засасывает «черная спираль войны».

Изначально в истоках конфликта лежат различные противоречия, чаще всего экономического толка. Это может быть и классовая и национальная эксплуатация, а может – и религиозная или любая прочая. Обычно одна из сторон или имеет власть, или ею поддерживается.

На определенном этапе оформляется ядро оппозиции, в основном под каким-нибудь политическим лозунгом. Лидеры ее обычно искренне разделяют исповедуемые идеи, считают свою борьбу справедливой и готовы отдать даже жизнь за свои принципы. В свою очередь и противостоящая сторона готова применить не только законные репрессивные меры, но склонна силой подавлять любое недовольство.

Так образуется вооруженный конфликт – т.е. начинается малая война. Но даже малая война требует больших средств, первоначально борцы за свободу получают их добровольно от поддерживающей их части населения, но эти ресурсы быстро истощаются, и средства приходится добывать силой.

В свою очередь и проводящая репрессии сторона прибегает все к более жестоким методам, жестокостью своей отторгая от себя все большие массы населения, делая их рекрутами противоположной стороны, желающими взяться за оружие. Это «стадия эскалации конфликта».

В конце концов, война охватывает все слои населения, всю территорию, все сферы жизнедеятельности. При равенстве сил сторон наступает стадия «тотального конфликта», обычно характеризующаяся переходом от отдельных вылазок и террористических актов к крупномасштабным наступательным операциям, захватом территорий, населенных пунктов, узловых коммуникационных точек. И здесь, говоря языком теории катастроф, конфликт проходит «точку бифуркации». Причем, с точки зрения сторон, это стадия победы или поражения. Процесс может развиваться лавинообразно и привести к победе оппозиции, т.е. к революции, или закончиться полным разгромом повстанцев и «зачисткой территории». Согласно распространенным теориям конфликтов – «входит в стадию затухания». В любом случае прекратиться.

После Второй Мировой Войны имело место частое прекращение партизанских конфликтов, причем независимо от характера оппозиции. Были «потушены» партизанские (на официальном языке – «бандитские») движения «лесных братьев» в Прибалтике, Западной Украине и Белоруссии, Польше, Чехословакии, и прочих стран «советской зоны». Аналогично расправились с коммунистическими партизанами в Греции и Малайзии. Из недавних примеров прекращенных конфликтов можно назвать Восточный Тимор.

Но, как это ни странно, все чаще процесс идет по аномальному «третьему пути». Широкомасштабные военные действия приводят к подрыву экономической инфраструктуры, т.е. основы жизнедеятельности региона. В то же время приспособившая ее не для мирной жизни, но для ведения войны (организация структуры сельхозпроизводства, работающей на «провантский склад» одной из сторон, главным предметом торговли становится оружие, и так далее – все уцелевшие отрасли

приспосабливаются организованно ил стихийно к ведению войны и жизни в условиях «военного лагеря»).

Образуется большой слой как партизан, так и карателей, вооруженных людей разрешающих все вопросы «быстро и просто» – т.е. применяя оружие. И слой этот постоянно пополняется, поскольку занять себя в иных сферах молодежь не имеет возможности, да и желания – вооруженный путь сулит не только выживание, но и сытое существование, даже возможность обогащения. Не говоря о том, что жизнь в условиях войны всегда имеет жестко детерминированный смысл: «выжить и победить».

Наступает фаза «деградации конфликта». Подорвав экономическую основу борьбы, и, в тоже время, не достигнув ее целей, вожди сопротивления вынуждены искать «альтернативные способы» ее ведения. Ранее применявшиеся как исключительная мера «исходя из жестокой необходимости» вооруженные реквизиции продуктов и предметов первой необходимости теперь становятся правилом, основным способом добычи жизненно необходимых ресурсов.

В тоже время длительно существующий правовой вакуум заполняется криминалом: расцветает производство и торговля наркотиками, контрабанда, рэкет, похищения людей, самосуд, немотивированные безнаказные убийства, грабежи и так далее. Грань между политической и уголовной мотивацией становится все тоньше.

В тоже время начинает деградировать и сама идея-цель борьбы, сначала становясь средством и методом убеждения и агитации, в последствии – моральным оправданием преступлений. В тоже время командиры в ходе длительной борьбы из идейных борцов становятся вооруженными вождями (т.е. лидерами харизматическими), носителями и вольными интерпретаторами идеи, поскольку на данном этапе борьбы победа вооруженным путем для них становится главной целью, а реализация идеи становится заложницей этой победы и отодвигается в неопределенное будущее. Так личность командира начинает играть все большую роль, конечная идея – все меньшую, пока конфликт не сводится к стадии «полевых командиров». Идея для них становится не более чем знамя, герб сюзерена, который запросто можно и поменять. Война становится образом жизни, основным мотивом, уже не требующим идеологических подпорок.

Это конечная стадия «деградировавшего» затяжного конфликта, могущего тянуться довольно долго. Так конфликт в Курдистане тянется более 80 лет. Разрушенная, перестроенная под войну экономика, «вооруженный народ» и вечное состояние войны, превалирование в умах «психологии войны» и склонность к вооруженному решению большинства проблем.

Но за всем этим внешним проявлением проглядывается определенная система, которую можно описать перефразированным тезисом: «всякий

народ имеет ту войну, которую заслуживает», т.е. «устойчивая» форма войны останавливается в своей деградации и начинает стабильно существовать на своем уровне развития социально-общественных отношений в обществе. Т.е. произведенная ей встряска доводит общество до нижнего предела возможных отношений.

Так, форма затяжных африканских войн доходит до родо-племенной стадии. Фактически стартовой ступени развития отношений – все остальные политические надстройки и институты превносились или были навязаны извне колонизаторами, и также насильственно были отторгнуты. Теперь, африканцы доводят свои отношения до той стадии, откуда следует начинать. Но Европе от этой стадии до цивилизации понадобились тысячелетия.

Конфликтам в Северной Ирландии, Стране Басков и на Корсике присущи «цивилизованные» черты. Конечно, действия террористов чрезвычайно жестоки по местным меркам, но весьма «бескровны и гуманны», если применять критерии даже латиноамериканских конфликтов. «Хорошим тоном» взрывов заложенных бомб, является предварительный звонок в полицию, с расчетом, что с места взрыва выведут людей, но не успеют разрядить взрывное устройство. Важен не урон от взрыва, но пропагандистский эффект, сам факт применения силы и его обыгрывание в СМИ.

Наоборот, мусульманские террористы предпочитают уничтожать как можно больше противников, причем, в последнее время предпочитают тактику камикадзе. Они тоже рассчитывают прежде всего на пропагандистский эффект, но это эффект устрашения. Как врагов, так и своих - ведь после таких жертв нет пути назад.

Экономика Страны басков, Корсики, Ольстера тоже страдает от напряженности, террористы облаживают данью сограждан, но во всех регионах экономика не перестроилась под ход конфликта и носит мирные черты.

Война всегда катастрофа, и как всякая катастрофа уравнивает потенциалы самым трагическим образом. Затяжной конфликт приводит к подрыву основ жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения, что влечет к голоду, болезням, массовому оттоку беженцев. Немалая часть населения гибнет в ходе военных действий. Население уменьшается до «естественного» уровня, его остается столько, сколько может прокормить разрушенное хозяйство. Тем самым, земля «освобождается» от всяких форм перенаселения, от источников противоречий. Но, как на месте погибшего леса, порой образуется пустыня, над которой веют песчаные ветры, не давая образоваться новому плодородному слою, так и в окончательно деградировавшем конфликте стадии замирения так и не наступает.

К терминам «мутация» и «трансмутация» конфликта.

Мутациями, в данном тексте, названы изменения конфликта, вызванные внутренней логикой противостояния. Те же стадии конфликта, равно «затухание» и «деградация». Всякой мутации соответствует частичное или полное изменение задач-целей сторон, например, превращение идеологического конфликта в криминальный, или разрастания местного классового конфликта в революцию.

Трансмутациями названы изменения характера конфликта под влиянием изменения самого характера конфликта, в связи со внутренними изменениями стороны. Так первоначально коммунистические войны велись по идейно-классовым соображениям (Октябрьская революция, Гражданская война), в сталинские времена приобрели идейно-геополитический характер, а в годы застоя и вовсе сплошная геополитика.

Равным образом конфликт переживает трансмутацию, когда в него вмешиваются сильные мира сего. Например, первоначально вьетнамский конфликт развивался подобно десяткам национально-освободительным войнам того времени, с вполне естественной тогда опорой на коммунистическую идеологию. Но постепенно он приобрел характер противостояния двух идеологических систем – «демократии и коммунизма», еще позже став ареной борьбы сначала двух, потом и трех сверхдержав. Даже уход США и разгром Южного Вьетнама не погасили конфликт – «на поле» осталось 2 «игрока» - СССР и КНР, во времена агрессии поддерживавшие ДРВ, несмотря на взаимную конфронтацию. Что и привело к войне между Вьетнамом и Китаем в 1979-м году, ко вьетнамскому освобождению Кампучии. Конфликт же меж СССР и Китаем имел геополитическую подоснову, хотя и облекался в идеологическую лозунги. Собственно война СРВ – КНР уже не обуславливалась внутривьетнамскими причинами, но всецело вытекала из внешней политики руководства, из выбора главного внешнеполитического союзника.

Конфликты всегда переживают изменения, даже растянувшись на десятилетия, существуя только в данном регионе.

10. В качестве заключения

Итак, оказалось, что чисто экономические меры по ослаблению противоречия «богатые – бедные страны» неэффективны и приводят к неожиданным последствиям.

Но, прежде чем отказаться от экономической теории происхождения конфликтов, ее решили сделать универсальной, превратив в «теорию обострения борьбы за ресурсы».

Все теории воин и конфликтов несут каинову печать цинизма, но экономические грешат ей в особой степени. Выведение из поля зрения любых социальных отношений (государственных, национальных, религиозных) выводит и заложенные в них моральные категории. Если в рассмотрении «богатые – бедные» у сторон (особенно у «бедных») еще имеются некие моральные резоны собственной правоты поскольку это не только имущественные но и социально-классовые категории, то в борьбе за ресурсы все стороны уравниваются, лишаясь каких либо оправданий, представляя как два бандита, не могущих поделить лежащий на дороге кошелек. Единственным действенным правом в такой ситуации остается «право сильного».

Данная теория и является констатацией сложившегося статус кво, и утверждения права на мировые ресурсы сильнейшего из государств. Действительно, США потребляет большую часть мировых ресурсов, а всякое существенное ограничения этого потребления может иметь для Америки роковую роль, что оправдывает сохранение огромной армии, траты на вооружения и содержание многочисленных контингентов за рубежом.

На свою долю пирога мировых запасов претендуют все развитые страны (бывшие метрополии). Сумма претензий стран «золотого миллиарда» (менее 18 % населения планеты) составляет более 80% ресурсов Земли. Разумеется, ни о какой «справедливости» этих претензий речи быть не может, даже говоря «о прогрессе, о ведущей роли развитых стран». Столь же сомнительными, в свете этих цифр, предстают современное «мировое разделение труда», существующий экономический порядок. Даже робкие попытки изменения пропорций распределения вызывают жесткий ответ, и в перспективе действительно может привести вооруженной «борьбе за ресурсы» или, говоря без фигур умолчания – к новому колониализму.

Теория завоевала большую популярность, поскольку избавляет использующего ее аналитика от поисках в сторонах конфликта «правого и виноватого», тем самым, освобождая самого исследования от морального выбора, вообще создает иллюзию «чистого научного метода». Ныне её применяют к анализу большинства локальных конфликтов, как видно хотя бы из приведенного выше анализа таджикского конфликта. Действительно, перенаселение вызывает дефицит ресурсов, что, в свою очередь ведет к ухудшению качества жизни, как следствие – рост недовольства, агрессивности, изливающейся в конфликт.

Казалось бы объективно, особенно на уровне макромоделей, теория обострения борьбы за ресурсы имеет множество объективных предпосылок. Население планеты, особенно в развивающихся странах, продолжает прирастать, ему необходимо все больше еды, жилья, предметов потребления.

С другой стороны общественный прогресс ведет к большему производству и потреблению товаров и услуг – все требует полезных ископаемых, энергоносителей, растительного сырья.

Меж тем обрабатываемые площади не прирастают, леса постепенно исчезают. Особым развлечением футурологов стал подсчет разведанных залежей полезных ископаемых, сравнение их с существующими темпами потребления и расчет десятилетий вперед на сколько их хватит. Оптимисты оценивают перспективы современной цивилизации в 50 лет, писсмисты меряют сроки 1-2 десятилетиями. Уже понятно что большинство населения Земли никогда не сможет даже приблизиться по уровню жизни к «золотому миллиарду» – не хватит ресурсов. А ближайшими войнами за ресурсы называют у же не современные причины - борьбу за ископаемые углеводороды, но за пресную воду, особенно в засушливых регионах, в частности на Ближнем Востоке. Как о неизбежном говорят, что уже сегодня голодает около полутора миллиардов человек, а статистика смерти от голода не меняется уже десятилетиями.

Из всего этого вытекает, что человечество ждет неминуемый ресурсный кризис, что скоро вопрос встанет даже не о выживании человечества, но только отдельных его частей. Потому уже сейчас надо вставать на позиции национального или регионального эгоизма и готовиться к худшему, разрабатывать стратегию выживать в одиночку раз все равно не спастись. Несложно вспомнить, что это уже когда-то было сказано, а теперь возрождается под маской неомальтузианства.

Но все ли в действительности так плохо. Самые населенные страны мира уже скоро полвека ведут борьбу с темпами прироста населения. И борьбу небезуспешную. Уже в начале 90-х добросовестные демографы выявили тенденцию к падению темпов прироста населения во всем мире, определили статистическую планку за которой прирост прекратится и население планеты стабилизируется – 13-14 миллиардов. Прошедшие годы подтвердили их правоту, темпы замедляются почти везде, порог стабилизации снизился до 10-11 миллиардов. «Мальтузианский кошмар» теряет актуальность. Боле того, статистика последних лет позволяет говорить о нарастании обратного процесса, развитые страны бьют тревогу говоря о депопуляции собственного коренного населения. Но если нашли действенные меры как снизить рождаемость в бедных странах, то заставить рожать много детей в богатых не могут до сих пор.

После «зеленой революции 70-х» (имеется в виду не исламская революция, но широкое распространение в мире высокоурожайных культур, с угрозой голодной смерти сравнительно легко справились такие гиганты как Индия и Китай, начав даже экспортировать сельхозпродукцию. Анализ голода в других странах показал, что дело не столько в площадях обрабатываемых земель, сколько в агрикультуре и всей культуре хозяйствования. Что при рачительном ведении сельского хозяйства,

применении современных интенсивных, но в тоже время щадящих землю технологий, продуктов питания хватит и на 13 миллиардов человек. Да и вообще о какой реальной угрозе голода можно говорить, если в течение последних полутора веков наблюдалось хроническое перепроизводство сельхозпродукции, а аграрной политикой развитых стран стало сдерживание этого перепроизводства.

Конфликты имеют к голоду непосредственное отношение, который вспыхивает в регионах воин и конфликтов или близких к ним. Поток беженцев «заражают» голодом соседние районы, в свою очередь, подрывая их сельское хозяйство.

Положение с полезными ископаемыми тоже имеет тенденцию к изменению векторов. И тенденция эта определяется «деиндустриализацией» развитых стран, вынесением производств в иные страны. Конечно, пока рано говорить о полном исчезновении промышленного производства в развитых странах, очевидно, они еще долго будет существовать (и дольше всего продержится оборонное производство и смежные стратегические отрасли). Но сегодня индустриализуются, в основном, развивающиеся страны. Соответственно, выгодней вести в них через океаны не сырье, но уже обработанные материалы, а готовую промышленную продукцию импортировать в развитые страны. Итак, выстраивается новая промышленная структура мира: производство и обогащение первичного сырья на месте добычи, вывоз материалов в развивающиеся и производство в них массовой продукции, экспорт ее в развитые страны, проводящих научные изыскания, разрабатывающих технологии и продукты «информационной эры».

Соответственно переместившаяся в третьи страны промышленность вызовет потребность в сырье именно этих стран и переместит сырьевые и товарные потоки. Так что потребность в сырье будут испытывать совсем иные страны, на настоящее время только делающие попытки создать современные армии. Основная военная сила сосредоточена в руках США и стран НАТО, но сложно представить что они применят ее ради чужих интересов в битве за мировые ресурсы.

К тому же острота потребностей в сырьевых ресурсах на сегодня не столь остра, и нет особых надежд что она излишне обострится в будущем. Тому есть несколько как объективных, так и «конъюнктурных».

Постоянной тенденцией мирового производства помимо всевозрастающей их массы является постоянное сокращение удельной материало- и энергоёмкости. Также самое относится к технологиям производства, машинам, механизмам. Одновременно экологические требования становятся неотъемлемой частью высокого уровня жизни, что заставляет вторично использовать отходы и мусор. С течением времени, равно как с каждым существенным вздорожанием какого либо сырьевого ресурса, извлечение его из мусора будет становиться не только рентабельным, но и прибыльным. Уже сегодня из мусора изготавливают

топливо и стройматериалы, бумагу и т.д. Информационная эпоха вообще вытесняет многие громоздкие устаревшие средства коммуникации и техники (например, стекловолокно вытесняет медные провода), аналогичные процессы происходят в иных областях (пластик и керамика вытесняет металл). На сегодня наработаны десятки «закрывающих» технологий, способных экономить ресурсы на порядок (так называемый «вечный рельс»), но внедрению их мешает именно обилие и дешевизна сырья, равно как крупные монополии (прежде всего нефтяные), и правительственная политика, всегда сглаживающая процессы, поскольку мгновенная ликвидация целой отрасли может привести к непредсказуемым социальным и экономическим последствиям. Однако нет сомнения, что при всяком резком дефиците ресурса (как это имело место в 1973 году при «нефтяном кризисе») технологии эти будут востребованы чуть ли не в принудительном порядке. Равным образом найдут применение альтернативные источники и станет рентабельным разработка месторождений, ранее признанных «неперспективными».

Конъюнктура момента состоит в политических изменениях последнего десятилетия. Мировому рынку открылся громадный источник сырья в странах бывшего СССР, где военная промышленность пожирала большую часть производимых ресурсов. Теперь военной промышленности фактически нет, а остатки ее не получают сколько-нибудь существенных заказов. Прежние сырьевые отрасли, не находя сбыта внутри страны, переключились на экспорт просто обрушив цены на многие металлы и сырьевые продукты. Несмотря на то, что эксплуатация сырьевых богатств ведется хищнически (а это всегда малоэффективно и ведет к быстрому истощению месторождений), этих богатств столько, что хватит еще ни на один год.

Тем временем мировая гонка вооружений заметно приостановилась (не путать с расходами на нее), соответственно упал спрос на ресурсы, предъявляемый ей. К тому же развитые страны накопили большие запасы стратегического сырья на случай войны, которые теперь лежат мертвым грузом, и могут быть использованы в иных отраслях. Аналогичная судьба ждет и законсервированные на случай войны месторождения, коих множество. Так что резкий и неожиданный кризис сырьевых ресурсов миру в ближайшей перспективе не грозит, а в будущем... Что заглядывать в мир, если мыслишь о нем, исходя из ошибочных (вернее – слишком узких) категорий.

Единственным серьезным ресурсом, потребность в котором в ближайшем будущем не упадет являются энергоносители. Потребление электроэнергии на душу населения, скорей всего, главный интегральный показатель уровня жизни. В данном тексте объяснять эту связь не имеет смысла, так что эту аксиому лучше принять на слово.

Однако «войны за нефть» (подобно «войне Чако» 30-х годов XX века) в настоящее время ведутся исходя не из сегодняшнего дефицита углеводородов, но исходя «из перспективного взгляда на будущее», а это уже не столько «борьба за ресурсы», сколько навязывание своих геополитических интересов. Т.е. интересует не сам ресурс, как предмет потребления, сколько контроль над ним, как элемент политического влияния и экономическое оружие.

Еще один уникальный ресурс, роль которого возрастает все больше – информационный. Но он производится отнюдь не в бывших колониях, а представить в будущем войны за него в классическом варианте вооруженных столкновений трудно. Войны за информацию будут иметь сугубо информационные формы, хотя последствия их могут быть не менее разрушительными.

«Войны за ресурсы» это архаика, и чем явнее в причинах конфликта обострение борьбы за ресурс, тем ниже уровень развития отношений в обществе, ведущих эту войну (например, ангольская борьба за месторождения алмазов). Возможно, фактор контроля над ресурсами сильно влиял на развязывание Первой Мировой Войны, присутствовал во Вторую Мировую (особенно в речах Гитлера в виде требований «жизненного пространства»), но к концу века все более угасал. Метрополии оставили колонии, найдя более эффективные способы получения ресурсов посредством мирового рынка. Стремление к интеграции и изменение структуры мировой экономики (экономическая глобализация) сделали ресурсы объектом коллективной эксплуатации. Фактор «национального интереса» к ресурсам сменяет транснациональный интерес к ним. В таких условиях глобальные войны за ресурсы переходят в разряд гипотетических войн будущего между отдельной страной (причем – сверхдержавой) и транснациональной силой. Опять встает вопрос, с которого все и началось – противоречие между геополитическими интересами США и остального мира.

Вообще беспокойство за ресурсы лежит не столько в собственно экономической сфере, но несколько глубже – в принципах современной западной цивилизации. В теории «общества потребления» – чтобы экономика развивалась, необходимо больше производить, но чтобы больше производить, надо больше потреблять. Чтобы больше потреблять, надо ограничивать сроки потребления товаров, менять марки машин, телефонов, компьютеров, телевизоров. Надо больше и быстрее переводить товаров в мусор. Разумеется, при такой схеме развития экономики потребность в ресурсах возрастает в геометрической прогрессии и однажды ресурсы должны иссякнуть.

Впрочем, как отмечалось раньше, основным товаром и продуктом потребления все больше становится информация, утилизировать которую

можно простым нажатием клавиши «delete». Ресурс для ее производства уместается на носителях, емкость которых все возрастает.

Главное же состоит в эрозии духовных ценностей западного мира приведшего к глубокому духовному кризису, в смене цивилизационных парадигм, как на основе того же информационного изменения мира, так и глобализации и антиглобализации (по сути являющейся альтернативным, «гуманитарным» проектом все той же глобализации). Т.е. грядущее изменение мировой экономики (в первую очередь – «экономики общества потребления»), как это не парадоксально, не в экономической, но в духовной сфере.

Убедившись в узости исходных теоретических посылок чисто экономических теорий и, наконец, вновь обнаружив еще один вектор противоречий (идеологический), политологи приняли на вооружение теорию «конфликта цивилизаций». Это означало возврат к теориям времен «холодной войны», но уже на новом этапе, с целью стабилизировать, уравновесить картину миру, наконец, заметив факторы (социальные, геополитические, национальные, культурные, религиозные) возникновения конфликтов, не укладывающиеся в рамки противопоставления «богатые – бедные» и «борьбы за ресурсы».

В основе теории «конфликта цивилизаций» лежит утверждение, что существуют глобальные противоречия между ценностями различных цивилизаций, непреодолимая разница культур и типов мышления, которая и порождает конфликты.

Таким образом, причины конфликтов и войн выводились в историческое прошлое, становясь фатальными, практически непреодолимыми. Цивилизации, словно тектонические плиты, выкристаллизовавшиеся тысячелетиями, занимают огромные пространства и на месте стыков образуют разломы – напряженные зоны неустойчивости. Конфликты подобны землетрясениям, периодически прокатывающимся по линии разлома, когда напряжение проходит «точку бифуркации».

Теоретически преодоление истоков конфликтов возможно – через глобализацию, всеобщую унификацию, приведения всех культур и цивилизаций к единому стандарту. Разумеется западному. Подобие спеканию всех тектонических плит в единую платформу, сверхматерик.

Нельзя сказать, что подобный подход не имеет под собой резонанс. Если бы подобные теории были только достоянием кабинетных историков, пишущих толстые трактаты, предметом академических споров о причинах троянской войны, то эта теория, не лишенная изящества, вполне могла бы быть основой целой отрасли историографии.

Но беда в том, что актуальные теории предназначены для «сервисного» использования. На их основе проводится анализ, строятся прогнозы, делаются тактические и далеко идущие политические выводы. Теории «объясняют мир».

Теорий много, политологи всегда выдвигает целый веер собственных теорий, вопрос, какая из них востребована в данный момент, какая отвечает умунастроениям и находит наибольший спрос.

Чем дальше, тем больше политические теории являются орудием пропаганды, информационной войны. Нетрудно усмотреть в «теории конфликта цивилизаций» разбитие мира на некие «цивилизационные регионы». Причем к таковым причисляются основные геополитические субъекты. Разумеется, к отдельной цивилизации причислен «исламский мир», следовательно - извечная борьбы с ним – историческая данность, преодолеть которую можно только борьбой (войной). Сегодня эта война наиболее актуальна, причем альтернативой победы подразумевается «гибель западной цивилизации», христианского мира. В глобальном мире и задачи, и угрозы глобальны. Но в случае победы «конца истории» не будет. Актуальными станут «разборки» с другими цивилизациями. Прежде всего - с Китаем и (позже) всем Дальним Востоком, в толь или иной мере испытавшем многотысячелетнее влияние Поднебесной, усвоив от него мировоззрение, культуру, письменность. И так далее. Ведь цивилизаций много – Индия, Африка. Интересно, что для объяснения внутрицивилизационных конфликтов принимается схема фрактала (подобия составляющих элементов основному, и в, свою очередь, распадающихся на такие же подобья).

Так Россию можно отнести к особой цивилизации – славянской и православной. Соответственно все ее конфликты на Востоке можно отнести к глобальному противоречию христианской и мусульманской цивилизаций, на Западе – как католичества и православия, так и славянского и германского мира. Дробить можно до бесконечности, относя ирландский конфликт к противостоянию протестантизма и католицизма. Случаются и совсем забавные казусы. Например в объяснении причин Первой Мировой Войны Германия признается отдельной цивилизацией, построенной на совсем иных ценностях – «но сами немцы этого не заметили, отнеся себя к западной цивилизации».

Курьезы можно оставить в стороне.